

Память
о военный лет

"Ты вернешься"

"В сорок первом году я окончила татарскую среднюю школу №49 Кировского района города Казани..." — начала свои воспоминания более чем полувековой давности Мушарафа Гизатулловна Низамутдинова. И вот с этой самой первой фразы каждому, независимо от того, знаком он с человеком или нет, становится ясно самое главное — юность его, самые прекрасные годы прошли через огненные версты войны, которая все определила по-своему. Отличный аттестат давал ей право поступить в высшее учебное заведение без экзаменов. А в тот солнечный воскресный день они всем классом договорились поехать на остров Маркиз, недалеко от Казани, где была хорошая база отдыха, замечательные пляжи. Зашла ближе к полудню к своей самой лучшей подруге Салиме, а у нее дома все плачут...

Вот так и началась война. Сразу по привычке побежали в школу, а там все уже готовилось к переоборудованию ее в госпиталь. И потекли дни, когда все жила ожиданием сводок с фронта, надеждой на то, что война скоро закончится. Но она, вопреки всему, растянулась на долгие четыре года, а повоювать пришлось и этим двум девушкам. Они все-таки подали документы в КАИ, были туда зачислены и даже успели поработать на уборке урожая в Верхнеуслонском районе. Но вскоре обе приняли решение, обусловленное единственным желанием, — помочь реально фронту. Они уже делали попытки обращаться в военкомат с просьбой забрать их в армию, но им говорили: "Подождите пока..." Ждать же они не могли. Поэтому и ушли из института, устроились на эвакуированный из Ленинграда молотостроительный завод слесарями, наряду с

этим подав заявления с просьбой отправить их на фронт.

Здесь, на заводе, еще больше почувствовали, что идет война. Работали вместе с эвакуированными подростками, которым приходилось стоять у станков на ящиках — не хватало не столько возраста, сколько роста. А со временем дыхание войны становилось все жестче и все заметнее.

Осенью сорок второго пришла повестка Мушарафе. Она возвращалась домой поздно, со второй смены. В это время обычно все уже спали, а тут во всех окнах горел свет. Наутро вместе с Салимой отправились в военкомат, и только одну ночь ночевали в Татвоенкомате, а на следующую их, 96 девушек (это Мушарафа Гизатулловна помнит точно), погрузили в товарный вагон и повезли. Куда — никто не говорил, приходилось только догадываться. Ехали долго. Мерзли, топили буржуйку, кипятили чай. Съели все свои домашние припасы, стали голодать. Все опустимее заявляла о себе предстоящая зима. Как-то раз поезд остановился не у станции, а просто посреди поля. Любопытные высмотрели наружу посмотреть, а Мушарафа отбежала чуть в сторону, к лесочку, и вдруг заметила сначала какой-то след, похоже от санок, а потом и каравай хлеба. Обрадовалась, схватила его и назад, к поезду, а он уже тронулся. И вот этот каравай сопровождающий капитан Хайруллин разделил поровну, правда, не на всех, а только половине девочек. Им досталось по маленькому кусочку, но каким большим было удовольствие! А капитан сказал Мушарафе: "Ты вернешься живой и здоровой. У тебя доброе серд-

це..."

Скоро прибыли к месту назначения. Остановились в лесу, густом, темном, и стали заниматься первое время валкой деревьев. Неженское это дело, но выбирать не приходилось. Девочки исхудали, огрубели, а вскоре стали за ними приезжать представители из ар-

На войне и после войны сестрой и подругами (1946 г.)

которых тот, кто не воевал, не имеет представления. Хоронили сотнями, снимали с убитых верхнюю одежду, а зимой их просто закапывали снегом, или сбрыгую конину, стали в самом невероятном положении... А ноги у нее никогда не были сухими — места, где воевала, болотистые,

мейских частей и забирать по группам. Тут судьба и разлучила подруг. Мушарафа попала в 256-ю стрелковую дивизию Ленинградского фронта. Теперь уже началась настоящая военная жизнь. Она научила и на машинке печатать, и на лошади верхом ездить — часто приходилось доставлять донесения, и раненых перевязывать, и многому другому, без чего нельзя было обойтись. "На войне все было", — говорит Мушарафа Гизатулловна. Она помнит такие детали и моменты, о

сырые. Со слезами на глазах разрезала пополам Мушарафа свой пуховый платок, который ей на дорогу отдала мама, и сделала из него портянки.

Тяжелые бои были, когда прорывали блокаду. Вот тут ей пришлось выносить с поля боя раненых. Откуда только силы брались, ведь она всегда была худенькой, невысокой. Помнит, выносила одного, как потом выяснилось, офицера, раненного в ногу, из которой торчала какая-то жила или кость. Все бинты кончи-

Живой и здоровой...

лись, сняла с себя нижнюю рубашку, обмотала ему ноги и, как могла, тащила по настильной бревенчатой дороге. Комсомольский билет и гимнастерка тогда насквозь пропитались чужой кровью, она после долго отстирывала ее. И не один этот солдат обязан был ей своей жизнью, а кровью была пропитана вся земля. "Стояла наша часть однажды возле так называемой Черной речки, — вспоминает Мушарафа Гизатулловна, — где только что прошли тяжелые бои. Так белый снег весь был в крови — никогда и нигде больше такого я не видела..."

После прорыва блокады дивизию передали Прибалтийскому фронту и направили на форсирование Нарвы. Снова тяжелые изнурительные бои, после которых дивизия была переименована в Краснознаменную Нарвскую. А в конце войны она стояла в так называемом Курляндском мешке и заслоняла собой выход немцам к Балтийскому морю. Здесь и застала Мушарафу Гизатулловну весть о победе.

В Казань она приехала ночью, трамвай уже не ходили, но ждать утра не

могла и через весь город пешком пошла домой. Ворота, конечно, были закрыты, но и это не препятствие для настоящего солдата. Она залезла на забор и стала стучать. На крыльцо вышел отец: "Кто это там балуется?", а она кричит: "Папа, это я приехала!"

В институт уже опоздала, подала документы в двухгодичную школу юристов, которую окончила за год. И начала работать — недолго в Атнинском районе, а затем в Базарных Матаках народным следователем районной прокуратуры. Там и замуж вышла за русского парня — Сергея Григорьевича Агапова, тоже участника войны. А чтобы получить на это согласие семьи, поехала в Казань на лошади одна. Отец сказал: "Как хочешь, дочка...", сестренка — смотри, мол, сама, а мать была против. Смешанные браки в общем-то никогда не приветствовались родителями, а тогда — тем более. Стала собираться домой и нигде не могла найти свое пальто. Тулуп на месте, старое, еще школьное, пальто тоже висит на стене, а ее, новое, хорошее, пропало.

А сестренка ей: "Не ищи, апа, мама спрятала его. Сказала, в старом тебя замуж никто не возьмет!" Вот как не хотелось, чтобы дочь выходила за русского. Что ж, одела свое старое пальто и с тем уехала. В нем и расписались, а муж Сергей Григорьевич даже ничего и не понял. Всю зиму учил он татарские слова, запоминал наиболее употребляемые фразы, чтобы найти общий язык с тещей. И нашел — лучшего зятя, чем он, как потом призналась сама, у нее и не было. А со своей Катей, как звали многие Мушарафу Гизатулловну, жили дружно, ладили, не смотря ни на что.

Почему, собственно говоря, Катя? Что общего между не так уж часто

встречающимся среди татар ее именем и этим исконно русским? Все дело в том, объяснила Мушара-

(Оконч. на 7 стр.)

Вот так бабушка!

Одноклассники. Через сто лет...

С.Г. Агапов и М.Г. Низамудинова